

Эрих
ФРОММ

Искусство
любить

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Эрих Фромм

Искусство любить

«АСТ»

1956

УДК 159.922
ББК 88.53

Фромм Э.

Искусство любить / Э. Фромм — «АСТ», 1956 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-089809-1

Одна из самых известных работ Эриха Фромма – «Искусство любить» – посвящена непростым психологическим аспектам возникновения и сохранения человеком такого, казалось бы, простого чувства, как любовь. Действительно ли любовь – искусство? Если да, то она требует труда и знаний. Или это только приятное ощущение?... Для большинства проблема любви – это прежде всего проблема того, как быть любимым, а не того, как любить самому...

УДК 159.922
ББК 88.53

ISBN 978-5-17-089809-1

© Фромм Э., 1956
© АСТ, 1956

Содержание

Предисловие	6
I	7
II	10
Любовь как ответ на проблему человеческого существования	10
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эрих Фромм

Искусство любить

Erich Fromm
THE ART OF LOVING

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnderg.

Серия «Философия – Neoclassic»

© Erich Fromm, 1956

© Перевод. А. Александрова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Предисловие

Чтение этой книги принесет разочарование тем, кто рассчитывает найти в ней практические рекомендации по искусству любви. Напротив, цель данной книги – показать, что любовь – это не чувство, легкодоступное любому человеку независимо от степени его зрелости. Автор стремится убедить читателя в том, что любые попытки любить обречены на провал, если человек не постарается самым активным образом развивать собственную цельную личность, чтобы обрести созидательную ориентацию; удовлетворение в индивидуальной любви не может быть достигнуто без способности любить ближнего, без искреннего смирения, без смелости, веры и дисциплины. В тех культурах, где эти качества редки, способность любить неизбежно оказывается редким достижением. Каждый может спросить себя: как много истинно любящих людей он знает?

Однако трудность задачи не должна быть основанием для отказа от попытки понять, что этому препятствует. Чтобы избежать ненужных сложностей, я постарался изложить проблему, насколько возможно избегая специальных терминов. По этой же причине я также сократил до минимума ссылки на литературу о любви.

Для еще одной проблемы – как избежать повторения идей, выраженных в моих предшествующих книгах, – я не нашел удовлетворительного решения. Читатель, особенно знакомый с работами «Бегство от свободы», «Человек для себя» и «Здоровое общество», найдет в этой книге многие уже изложенные в них идеи. Тем не менее «Искусство любить» ни в коем случае не является повторением сказанного, не говоря о том, что даже более старые положения иногда обретают новые перспективы в силу того факта, что все они сосредоточены вокруг одной темы – искусства любить.

Э.Ф.

Тот, кто ничего не знает, ничего и не любит. Тот, кто не может ничего сделать, ничего не понимает. Тот, кто ничего не понимает, бесполезен. Но тот, кто понимает, также любит, замечает, видит... Чем больше понимания вложено в предмет, тем больше любовь... Любой, кто считает, будто все ягоды поспевают в то же время, что и земляника, ничего не знает о винограде.

Парацельс

I

Является ли любовь искусством?

Искусство ли любовь? Если да, то она требует знаний и усилий. Или же она – приятное ощущение, испытываемое случайно, нечто, во что человек «впадает», если ему повезет? Эта маленькая книга основана на первом предположении, хотя, несомненно, большинство людей сегодня верят в последнее.

Нельзя сказать, чтобы люди считали любовь чем-то не важным. Они по ней изголодались; они смотрят бесчисленное количество фильмов о счастливой и несчастной любви, они слушают сотни популярных песенок о любви – и все же едва ли кто-нибудь считает, что о любви нужно что-то узнавать.

Такое странное отношение основано на нескольких предпосылках, которые его поддерживают поодиночке или в совокупности.

Большинство людей видят проблему в том, чтобы *быть любимыми*, а не в том, чтобы *любить*, обладать способностью к любви. Поэтому для них проблема заключается в том, как вызвать любовь, а не в том, чтобы стать привлекательными. Для достижения своей цели люди идут несколькими путями. Один из них, используемый в первую очередь мужчинами, – добиться успеха, сделаться могущественными и богатыми настолько, насколько позволяет их социальное положение. Другой путь, по которому особенно часто идут женщины, – сделаться привлекательными, заботясь о своем теле, одежде и т. д. Еще один способ, используемый как мужчинами, так и женщинами, заключается в увеличении своей привлекательности за счет приятных манер, способности вести интересный разговор, готовности помочь, скромности, миролюбия. Многие пути к тому, чтобы заслужить любовь, оказываются теми же, которые используются для достижения успеха, для завоевания дружбы и внимания влиятельных людей. На самом деле большинство представителей нашей культуры под привлекательностью понимают чаще всего смесь популярности и сексуальной привлекательности.

Многие пути к тому, чтобы заслужить любовь, оказываются теми же, которые используются для достижения успеха, для завоевания дружбы и внимания влиятельных людей.

Второй предпосылкой такого отношения служит мнение, что проблема любви – это проблема *выбора объекта*, а не *способности любить*. Люди полагают, будто любить легко, а вот найти достойный объект для любви и добиться его – трудно. Подобный взгляд имеет несколько причин, корнящихся в развитии современного общества. Одной из них служит огромное изменение, произошедшее в XX веке в отношении того, что касается «объекта любви». В Викторианскую эпоху, как то было принято в традиционных культурах, любовь не считалась спонтанным личным чувством, которое могло привести к браку. Напротив, браки заключались по договоренности между семьями либо при участии свахи, либо без посредников. Они заключались, исходя из социальных соображений, и считалось, что любовь возникнет сама собой после свадьбы. Но на протяжении жизни последних поколений в западном мире восторжествовала концепция романтической любви, сделавшись почти универсальной. В Соединенных Штатах, где соображения традиционного характера не совсем утратили значение, огромное большинство все же ищет «романтической любви», личного чувства, которое должно иметь следствием

брак Эта новая концепция приоритета свободы в любви чрезвычайно повысила важность *объекта* в противовес важности *функции*.

С этим фактором оказалась тесно связана другая особенность современной культуры. Вся наша культура основана на стремлении покупать, на идее взаимовыгодного обмена. Счастье современного человека заключается в трепетном разглядывании витрин и в приобретении всего, что он может себе позволить, – за наличные или в рассрочку. Он (или она) так же смотрит и на людей. Привлекательная девушка для мужчины или привлекательный мужчина для женщины – это приз, к которому нужно стремиться. «Привлекательность» обычно рассматривается как заманчивый набор качеств, пользующихся популярностью и спросом на рынке личностей. То, что в особенности делает человека привлекательным, зависит от моды и спроса в данный момент как на физические, так и душевные качества. В двадцатые годы XX века девушка, которая пьет и курит, крутая и сексуальная, считалась привлекательной, а сегодня мода требует, чтобы она была более «домашней» и застенчивой. В конце XIX и начале XX века мужчина должен был быть агрессивным и амбициозным, сегодня же он должен быть общительным и терпимым, чтобы стать привлекательным приобретением. В любом случае чувство влюбленности обычно возникает только в отношении таких «человеческих товаров», которые доступны в обмен на собственные возможности. Я стремлюсь заключить сделку, и желанный объект должен быть ценным с точки зрения социальной ценности и одновременно хотеть меня, учитывая при этом мои явные и скрытые достоинства и потенциал. Два человека влюбляются друг в друга, когда чувствуют, что нашли на рынке лучший объект, который может быть приобретен, с учетом ограничений собственной ценности, предлагаемой взамен. Часто, как и при покупке недвижимости, скрытый потенциал, который может быть раскрыт, играет в сделке значительную роль. В культуре с преобладающей рыночной ориентацией, в которой материальный успех обладает выдающейся ценностью, мало оснований удивляться тому, что человеческие любовные отношения следуют той же схеме взаимобмена, что и рынок товаров и услуг.

Счастье современного человека заключается в трепетном разглядывании витрин и в приобретении всего, что он может себе позволить, – за наличные или в рассрочку. Он (или она) так же смотрит и на людей.

Третья ошибка, ведущая к убеждению, будто в любви ничему не нужно учиться, заключается в смешении изначального чувства влюбленности и постоянного состояния любящего человека – «впадения» в любовь и «пребывания» в ней. Если двое людей, незнакомых друг с другом, как это имеет место для всех нас, неожиданно обнаруживают, что стена между ними рушится, чувствуют близость, единение, то этот момент слияния – одно из самых волнующих и радостных ощущений в жизни. Это тем более замечательно и чудесно для людей, которые были ранее закрыты, изолированы, лишены любви. Такое чудо неожиданной близости часто усиливается, если соединяется или порождается сексуальным влечением и совокуплением. Впрочем, такой тип любви по своей природе недолговечен. Двое хорошо узнают друг друга, и близость для них все более теряет свой удивительный характер, покуда антагонизм, разочарование, скука не убивают то, что оставалось от изначального возбуждения. Однако вначале влюбленные всего этого не знают: интенсивность увлечения, то, что они «сходят с ума» друг по другу, они принимают за доказательство силы своей любви, хотя на самом деле это лишь свидетельство о степени их предшествующего одиночества.

Такое мнение, – что нет ничего легче, чем любить, – продолжает быть преобладающим взглядом на любовь, несмотря на очевидные свидетельства того, что это не так. Едва ли существует поле деятельности или занятие, которые бы сулили столь огромные надежды и ожидания и тем не менее так регулярно приводили к фиаско, как любовь. Случись такое в любой другой сфере, люди непременно пожелали бы узнать причины провала, пожелали ли найти способы избежать этого или отказались бы от соответствующей активности. Поскольку в случае любви последнее невозможно, представляется, что единственный и действенный способ избежать неудачи – это исследовать ее причины и заняться изучением смысла любви.

Едва ли существует поле деятельности или занятие, которые бы сулили столь огромные надежды и ожидания и тем не менее так регулярно приводили к фиаско, как любовь.

Первый шаг на этом пути – осознать, что любовь – это искусство, как и сама жизнь. Если мы хотим научиться любить, мы должны действовать так же, как мы действуем, если хотим обучиться любому другому искусству – скажем, музыке, живописи, ковроткачеству, медицине или инженерии.

Какие необходимы шаги для овладения любым искусством?

Процесс обучения искусству может быть условно разделен на две части: овладение теорией и овладение практикой. Если я хочу научиться искусству медицины, я должен изучить сначала человеческое тело и различные болезни. Но даже получив эти теоретические знания, я все же ни в коей мере не окажусь компетентным в искусстве медицины. Я овладею им только после долгой и основательной практики, когда наконец мои теоретические познания и результаты практики сольются воедино – в интуицию, являющуюся сутью овладения всяким искусством. Однако помимо изучения теории и практики существует третий фактор, необходимый для того, чтобы стать мастером в любом искусстве: овладение им должно быть главным делом жизни; в мире не должно быть для вас ничего важнее вашего искусства. Это верно для музыки, для медицины, для столярного дела – и также для любви. Возможно, здесь и лежит ответ на вопрос о том, почему представители нашей культуры так редко учатся искусству любить, несмотря на очевидные провалы, несмотря на глубочайшую жажду любви. Почти все считается более важным, чем любовь: успех, престиж, деньги, власть – почти вся наша энергия тратится на то, чтобы узнать, как достичь этих целей, и совсем немного – на овладение искусством любви.

Может ли быть, что единственные вещи, считающиеся достойными изучения, – это те, которые связаны с зарабатыванием денег или престижа, а любовь, имеющая ценность «только» для души, на современный взгляд выгоды не приносит и является роскошью, на которую мы не вправе тратить много энергии? Как бы то ни было, при дальнейшем обсуждении искусство любить будет рассматриваться со следующих позиций: сначала я буду обсуждать теорию любви, и этому будет посвящена большая часть книги; затем я коснусь практики любви, как ни мало могут значить слова в этой области, как и в любой другой.

II Теория любви

Любовь как ответ на проблему человеческого существования

Любая теория любви должна начинаться с теории человека и человеческого существования. Хотя мы обнаруживаем любовь, или скорее ее эквивалент, у животных, их привязанность в основном является частью комплекса инстинктов; инстинктивная привязанность в ее реликтовой форме может быть обнаружена и у человека. Но главное в существовании человека определяет тот факт, что он вышел из царства животных, из инстинктивной адаптации, и превзошел природу, никогда ее при этом не покидая. Человек – часть природы, но, однажды оторвавшись от нее, вернуться к ней он уже не может; он изгнан из рая – из состояния изначального единства с природой, – и херувим с огненным мечом преградит ему путь, если он попытается возвратиться. Человек может идти вперед, только развивая свой разум, находя новую – человеческую – гармонию взамен дочеловеческой, безвозвратно утраченной.

...главное в существовании человека определяет тот факт, что он вышел из царства животных, из инстинктивной адаптации, и превзошел природу, никогда ее при этом не покидая.

Когда человек рождается, будучи представителем человеческой расы и индивидом, он лишается положения, которое было определенным – столь же определенным, как инстинкты, – и оказывается открыт неопределенности и неуверенности. Определенность касается только прошлого и будущего (в том смысле, что оно кончается смертью).

Человек наделен разумом; он – жизнь, осознающая себя; он осознает себя, других людей, свое прошлое и возможности, которые таит будущее. Это осознание себя как отдельного существа, осознание краткости своей жизни, того, что он рожден независимо от своей воли и независимо от своей воли умрет, того, что он умрет прежде тех, кого любит, или они умрут прежде него, осознание своего одиночества и отчужденности, своей беспомощности перед силами природы и общества – все это делает его отдельное, изолированное существование невыносимым заточением. Человек лишился бы рассудка, если бы не мог освободиться из этой тюрьмы и дотянуться до других людей, как-то соединиться с ними и с внешним миром.

Чувство отчужденности порождает тревогу; оно и является источником всех тревог. Быть отчужденным – значит не иметь никакой возможности использовать свои человеческие силы. Быть отдельным от всех означает быть беспомощным, неспособным активно контактировать с миром – предметами и людьми; это значит, что мир может подмять меня, лишённого способности сопротивляться. Таким образом, отчужденность порождает острую тревогу. Кроме того, она вызывает стыд и чувство вины. Это ощущение стыда и вины нашло выражение в библейской истории Адама и Евы. После того как Адам и Ева вкусили от «дерева познания добра и зла», после того как они не подчинились (а не существует добра и зла без свободы не подчиняться), после того как они стали людьми, избавившись от исходной животной гармонии с природой, т. е. после своего рождения в человеческом качестве они увидели, что наги – и устыдились. Можно ли предположить, что столь древний и простой миф содержит ханжескую

мораль XIX века, и суть, которую он хочет передать нам, заключается в том, что первые люди устыдились того, что их гениталии не прикрыты? Едва ли это так, и понимая миф в викторианском духе, мы упускаем главное: после того как мужчина и женщина осознали себя и друг друга, они осознали также свою отдельность и различия между собой как представителями разных полов. Осознав свою обособленность, они сделались чужими, потому что еще не научились любить друг друга (это совершенно ясно видно из того, как Адам защищается, обвиняя Еву и не пытаясь ее защитить). *Понимание человеческой обособленности без воссоединения в любви и есть источник стыда. Осознание этого – источник чувства вины и тревоги.*

Глубочайшая потребность человека, таким образом, это потребность преодолеть свою отчужденность и выбраться из тюрьмы одиночества.

Глубочайшая потребность человека, таким образом, это потребность преодолеть свою отчужденность и выбраться из тюрьмы одиночества.

Абсолютная неудача в достижении этой цели означает безумие, потому что панику из-за полной изоляции можно преодолеть лишь полностью отгородившись от внешнего мира; только тогда чувство изоляции исчезнет, поскольку исчезнет сам внешний мир.

Перед человеком во все времена и во всех культурах стоит один и тот же вопрос: как преодолеть свое неистребимое желание удовлетворять собственные потребности и примириться с тем фактом, что такие же потребности есть и у других людей? Вопрос один и тот же для первобытного человека, живущего в пещере, для кочевника, пасущего свои стада, для египетского крестьянина, купца-финикийца, римского солдата, средневекового монаха, японского самурая, современного клерка и фабричного рабочего. Вопрос тот же, потому что проистекает он из того же источника: положения человека, условий человеческого существования. Ответ на него меняется. Он может заключаться в почитании животных, в человеческих жертвоприношениях или захватнических войнах, в стремлении к роскоши, в аскетизме, в одержимости работой, в художественном творчестве, в любви к Богу и в любви к человеку. Хотя ответов существует множество, о чем свидетельствует история, число их тем не менее не бесконечно. Напротив, если мы отставим в сторону несущественные различия, мы с удивлением обнаружим, что ответов было не так уж много, и отличия между ними связаны в основном с культурными традициями. История религии и философии – история ответов на этот главный вопрос – ответов очень разных по форме и очень близких по своей сути.

Ответы в некоторой степени зависят от того, какой степени самосознания достиг индивид. У младенца осознание своего Я развито еще незначительно; он все еще чувствует себя единым целым с матерью и не ощущает изоляции, пока мать рядом. Его одиночество исцеляется физическим присутствием матери, ее грудью, ее кожей. Только когда у ребенка развивается ощущение отдельности и собственной индивидуальности, одного физического присутствия матери ему уже недостаточно, и у него возникает потребность преодолеть отчуждение другими способами.

Аналогично этому и человеческая раса в младенчестве живет в единстве с природой. Земля, животные, растения – это все еще мир человека, который идентифицирует себя со зверями, что выражается в ношении масок животных, почитании тотемов или звероподобных богов. Однако чем больше человеческая раса вырастает из пеленок, тем больше она отделяет себя от мира природы, тем более насущной становится потребность в новых путях преодоления отчужденности.

Один из путей достижения этой цели лежит во всевозможных оргиастических ритуалах. Они могли принимать форму самонаведенного транса, иногда с помощью наркотиков. Многие обряды примитивных племен дают яркую картину подобного способа решения проблемы. В пограничном состоянии экзальтации внешний мир исчезает, а вместе с ним и чувство изоляции от него. Поскольку такие ритуалы практикуются сообща, возникает ощущение слияния с группой, что делает решение еще более эффективным. Тесно связаны с этим и часто сочетаются с оргиастическим ритуалом сексуальные переживания. Сексуальный оргазм может вызвать состояние, сходное с достигаемым в трансе или с эффектом некоторых снадобий. Обряды общинных сексуальных оргий были распространены у многих примитивных народностей. По-видимому после участия в оргиастическом ритуале человек может какое-то время приглушить дискомфорт от ощущения своей изолированности. Напряжение, вызываемое тревогой, понемногу возвращается, но затем снова разряжается благодаря повторению ритуала.

Пока оргиастические обряды являются обычной практикой в племени, они не вызывают беспокойства или чувства вины. Такие действия правильны и даже добродетельны, потому что разделяются всеми, их одобряют и даже требуют целители или жрецы; поэтому нет причины чувствовать вину или стыд. Дело обстоит совсем иначе, если такое же решение избирает представитель другой культуры, где это не принято. В отличие от тех, кто участвует в социально одобренных ритуалах, такие индивиды страдают от чувства вины и раскаяния. Пытаясь избежать изоляции с помощью алкоголя и наркотиков, они еще острее чувствуют свою обособленность по завершении оргиастического переживания и начинают употреблять эти вещества с большей частотой и интенсивностью. Использование сексуально-оргиастического решения в некотором роде более естественная и нормальная форма преодоления отчуждения, частично решающая проблему изоляции. Однако у многих индивидов, не умеющих преодолевать отчуждение другими способами, поиск сексуального оргазма приобретает функцию, не особенно отличающуюся от алкоголизма или наркомании. Это становится отчаянной попыткой избежать тревоги, порождаемой отчужденностью и приводящей ко все возрастающему чувству изоляции, поскольку половой акт без любви не может устранить пропасть между людьми (разве что на мгновение).

*...половой акт без любви не может устранить пропасть между людьми
(разве что на мгновение).*

Все формы оргиастического единения имеют три характеристики: они отличаются силой и даже жестокостью; они целиком подчиняют себе рассудок и тело; они преходящи и периодичны. Полной их противоположностью является такая форма единения, которая чаще всего служила решением в прошлом и продолжает служить в настоящем: единение, основанное на подчинении группе, ее обычаям, практике и верованиям. И здесь мы тоже обнаруживаем значительное видоизменение.

В примитивном обществе группа невелика и состоит из родственников, сообща проживающих на одной территории. По мере роста и развития культуры группа увеличивается – она включает уже граждан полиса, граждан государства, приверженцев церкви. Даже бедный римлянин гордился тем, что может сказать: «civis romanus sum» – «я – римский гражданин»; Рим и вся Римская империя были его семьей, его домом, его миром. В современном западном обществе принадлежность к группе по-прежнему является наиболее распространенным способом преодоления отчужденности. При таком единении индивидуальная самость в значи-

тельной мере исчезает, целью становится принадлежность к группе. Если я такой же, как все, если у меня нет мыслей и чувств, которые отличали бы меня от других, если я подчиняюсь обычаям, дресс-коду, идеям группы, я защищен и спасен от пугающего одиночества. Авторитарные системы используют угрозы и террор для воспитания в духе конформизма, а в демократических странах той же цели служат убеждение и пропаганда. Между двумя системами существует все же огромное различие. При демократии неконформизм возможен и на самом деле всегда присутствует; тогда как в тоталитарных системах отказа от повиновения можно ждать лишь от немногих героев и мучеников. И тем не менее, несмотря на это различие, демократические общества демонстрируют всеобъемлющий конформизм. Причина этого состоит в том, что стремление людей к единению требует удовлетворения, и если не находится другого и лучшего пути, тогда стадное послушание делается преобладающим. Понять силу страха оканзаться иным, страха выделиться из толпы можно, только оценив глубину потребности не оканзаться в изоляции. Иногда страх перед неконформизмом рационализируется как страх перед реальными опасностями, которые грозят непокорным. Однако на самом деле люди *хотят* подчиняться в гораздо большей степени, чем они к этому *принуждаются*, во всяком случае, в западных демократических странах.

В современном западном обществе принадлежность к группе по-прежнему является наиболее распространенным способом преодоления отчужденности.

Большинство людей даже не осознают своей потребности в подчинении. Они питают иллюзию, будто следуют собственным идеям и склонностям, будто они – индивидуальности и сформировали свои мнения в результате собственных размышлений, и просто случайно получилось так, что их мысли совпадают с мыслями большинства. Консенсус служит доказательством правильности их взглядов. Поскольку все же имеется потребность в том, чтобы ощущать себя индивидуальностью, она удовлетворяется за счет мелких индивидуальных различий: инициалов на сумке или свитере, бейджика на банковском служащем, принадлежности к демократической, а не республиканской партии, к болельщикам той или иной спортивной команды. И даже рекламный слоган «Не такое, как у всех» демонстрирует эту трогательную потребность в отличиях, когда на самом деле их почти не осталось.

Авторитарные системы используют угрозы и террор для воспитания в духе конформизма, а в демократических странах той же цели служат убеждение и пропаганда.

Такая растущая тенденция к уничтожению различий тесно связана с концепцией равенства в том виде, в каком она развилась в большинстве передовых индустриальных стран. Равенство в религиозном смысле означало, что все мы – дети Бога, все разделяем божеско-человеческую сущность, все мы – одно. Оно означало также, что сами различия между людьми должны уважаться, что хотя мы и вправду одно, верно и то, что каждый из нас – уникальное существо, самостоятельный космос. Такое убеждение в уникальности индивида выражается, например,

в талмудическом утверждении, что тот, кто спасает единственную жизнь, спасает целый мир; а кто уничтожает единственную жизнь, уничтожает целый мир. Равенство как условие развития индивидуальности было также смыслом философских концепций в эпоху Просвещения. Это яснее всего сформулировал Кант: ни один человек не должен служить средством достижения цели для другого человека; все люди равны в том, что они – цель, и только цель, и никакие не средства друг для друга. Следуя идеям Просвещения, мыслители-социалисты, представители разных школ, определяли равенство как освобождение от эксплуатации, использования человека человеком независимо от того, было ли такое использование жестоким или «гуманным».

...люди хотят подчиняться в гораздо большей степени, чем они к этому принуждаются, во всяком случае, в западных демократических странах.

...ни один человек не должен служить средством достижения цели для другого человека...

В современном капиталистическом обществе значение равенства трансформировалось. Под равенством стало пониматься равенство автоматов – людей, утративших свою индивидуальность. *Равенство сегодня означает одинаковость, а не уникальность.* Это одинаковость абстракций, одинаковость людей, работающих на одинаковых рабочих местах, одинаково развлекательных, читающих одинаковые газеты, одинаково чувствующих и думающих. В этом отношении следует с определенным скептицизмом смотреть на некоторые достижения, обычно восхваляемые как признаки прогресса, такие, например, как равноправие женщин. Нет нужды говорить, что я не высказываюсь против него, однако нельзя обманываться позитивными аспектами движения к равенству. Это часть тенденции к уничтожению различий. Именно этой ценой покупается равенство: женщины равны с мужчинами, потому что они больше не отличаются от них. Утверждение философии века Просвещения, что «душа не имеет пола», сегодня овладело умами. Полярность полов исчезает, и вместе с ней исчезает эротическая любовь, основывающаяся на этой полярности. Мужчины и женщины делаются *одинаковыми*, а *неравными* как противоположные полюса. Современное общество проповедует такой идеал обезличенного равенства, поскольку нуждается в человеческих атомах, не отличающихся друг от друга, чтобы заставить их функционировать в массовых скоплениях гладко и без трения; все обязаны выполнять одинаковые команды, хотя каждый убежден, что следует собственным желаниям. Точно так же, как современное массовое производство требует стандартизации продукции, социальные процессы требуют стандартизации людей, и эта стандартизация называется у нас «равенством».

Полярность полов исчезает, и вместе с ней исчезает эротическая любовь, основывающаяся на этой полярности. Мужчины и женщины делаются одинаковыми, а неравными как противоположные полюса.

Объединение на почве конформизма не является ни интенсивным, ни насильственным; это спокойный процесс, диктуемый рутиной, и именно по этой причине часто оказывающийся недостаточным для снятия тревоги, порожденной отчуждением. Распространенность алкоголизма, наркомании, самоубийств и одержимости сексом в современном западном обществе является симптомом относительной неудачи стадного конформизма. Более того, данное решение проблемы касается больше ума, чем тела, и по этой причине проигрывает по сравнению с оргиастическими состояниями. Стадный конформизм обладает всего одним преимуществом: он постоянен, а не судорожен. Индивид включается в схему конформизма в возрасте трех-четырех лет и впоследствии уже никогда не теряет контакта со стадом. Даже его похороны, на которые он смотрит как на последнее для себя важное социальное событие, находятся в строгом соответствии с общепринятыми требованиями.

Индивид включается в схему конформизма в возрасте трех-четырех лет и впоследствии уже никогда не теряет контакта со стадом.

В добавление к конформизму как способу унять тревогу порождаемую изоляцией, следует учитывать еще один фактор современной жизни: роль рутины на работе и в развлечениях. Человек прирастает к станку или стулу с девяти до пяти, он – часть рабочей силы на производстве или клерк в бюрократическом учреждении. Он не проявляет инициативы, его обязанности жестко диктуются ему той организацией, на которую он работает; нет сколь-нибудь существенной разницы между высоко поднявшимися по служебной лестнице и находящимися в самом низу. Все они выполняют задачи, продиктованные структурой данной организации, с предписанной скоростью и предписанным способом. Даже их чувства строго нормативны: жизнерадостность, терпимость, надежность, амбициозность, способность сработаться с кем угодно без трений. В их развлечениях также царит рутинная, хоть и не выражающаяся столь жестко. Книжки отбираются клубами читателей, кинофильмы определяются владельцами киностудий или кинотеатров и оплаченной ими рекламой. Остальное тоже унифицировано: воскресная поездка на машине, просмотр телепередач, игра в карты, вечеринки. От рождения до смерти, от понедельника до понедельника, с утра до вечера – все действия рутинны и соответствуют заведенному распорядку. Как может индивид, запутавшийся в этой сети, не забыть, что он человек, уникальная личность и хозяин своей единственной жизни, с ее надеждами и разочарованиями, печалью и страхами, с жадной любовью и боязнью пустоты и изоляции?

Третий путь к достижению единения заключается в творческой деятельности, будь то художника или ремесленника. При любом виде творчества личность объединяет себя в творческом процессе с материалом, который представляет собой внешний мир. Делает ли столяр стол или ювелир украшение, выращивает ли крестьянин урожай или художник рисует картину, в любой творческой деятельности работник и его объект делаются едины, и человек связывает себя с миром в созидательном процессе. Это характерно именно и только для созидательной деятельности – деятельности, которую я сам планирую, производжу и вижу результат своего труда. В современном трудовом процессе клерка или рабочего у бесконечной ленты конвейера мало что остается от этого объединяющего свойства работы. Работник становится придатком машины или бюрократического механизма. Он перестает быть собой; поэтому никакого единения, помимо конформизма, не возникает.

Единение, достигаемое в ходе созидательной деятельности, не является межличностным; единение, достигаемое при оргиастическом слиянии, преходяще; единение, достигаемое благодаря конформизму, является псевдоединением. Таким образом, во всех этих случаях мы находим только частичное решение экзистенциальной проблемы. Полное ее решение заключается в достижении межличностного единения – в слиянии с другим человеком в *любви*.

Желание межличностного слияния наиболее сильное из всех стремлений человека. Это самая фундаментальная страсть и та сила, что скрепляет человеческую расу, род, семью, общество. Неудача в достижении такого слияния означает безумие или распад – самоуничтожение или уничтожение других. Без любви гуманизм не смог бы просуществовать и дня. Однако, если мы назовем достижение межличностного слияния любовью, мы столкнемся с серьезной трудностью. Слияние может быть достигнуто разными путями – и различия разных форм любви не менее важны, чем сходство между ними. Следует ли все их называть любовью? Или нужно сохранить слово «любовь» лишь для специфического вида единения – того, который был идеальной добродетелью всех великих гуманистических религий и философских систем за последние четыре тысячи лет истории Запада и Востока?

Желание межличностного слияния наиболее сильное из всех стремлений человека. Это самая фундаментальная страсть и та сила, что скрепляет человеческую расу, род, семью, общество.

Как и со всеми семантическими трудностями, ответ может быть любым. Необходимо только определиться, какой именно вид единения мы подразумеваем, говоря о любви. Имеем ли мы в виду любовь как ответ сложившейся личности на проблему существования или же о тех незрелых формах любви, которые могут быть названы *симбиотическим союзом*?. В дальнейшем любовью я буду называть только первое, но начать хочу со второго.

Симбиотический союз соответствует биологической схеме отношений между беременной матерью и плодом. Их двое, и в то же время они – одно. Они живут «вместе» (греч. – sym-biosis) нуждаются друг в друге. Плод – часть своей матери, и все, в чем он нуждается, он получает от нее; мать – его мир; она кормит его и защищает, однако и ее жизнь благодаря ему приобретает особую значимость. При *психическом симбиозе* два тела независимы друг от друга, но психологически это очень похожий вид привязанности.

Пассивная форма симбиотического союза состоит в подчинении, или, если использовать медицинский термин, является *мазохизмом*. Мазохист избавляется от невыносимого чувства изоляции и отдельности тем, что делает себя частью другого человека, который направляет его, руководит им и защищает; этот человек становится его жизнью, его кислородом. Сила того, кому мазохист подчиняется, крайне преувеличивается им, будь то человек или божество. Он – все, а я – ничто, и что-то собой представляю только как его часть. Как часть, я разделяю его величие, силу, уверенность. Мазохисту не нужно принимать решений, не нужно ничем рисковать; он никогда не оказывается в одиночестве, но лишен независимости и целостности, он еще не полностью родился. В религиозном контексте такой объект поклонения называется идолом; в светском контексте основной механизм мазохистских любовных отношений – идолопоклонство – имеет тот же характер. Мазохизм может смешиваться с физическим сексуальным желанием. В этом случае подчинение распространяется не только на разум, но и на тело. Может существовать мазохистское подчинение судьбе, болезни, ритмичной музыке, оргиастическим состояниям под воздействием наркотиков или в гипнотическом трансе. Во всех таких случаях человек отказывается от своей целостности, превращает себя в инструмент кого-то или чего-

то вне себя; у него нет необходимости решать экзистенциальную проблему с помощью созидательной деятельности.

Активная форма симбиотического союза есть доминирование, или, если использовать медицинский термин, соответствующий мазохизму, – *садизм*. Садист стремится избавиться от одиночества и чувства заточения, делая другого человека частью себя. Он придает себе большую значимость, включая в себя другого человека, который ему поклоняется.

Садист так же зависит от подчинившегося ему мазохиста, как и тот от него; ни один из них не может жить без другого. Различие заключается только в том, что садист командует, эксплуатирует, унижает, причиняет боль, а мазохист подчиняется, эксплуатируется, терпит унижение и боль. В практическом смысле это значительное различие; в более глубоком эмоциональном смысле различие не так уж велико по сравнению с тем, что у садиста и мазохиста является общим: слияние без целостности. Осознав это, нетрудно обнаружить, что обычно человек ведет себя то на садистский, то на мазохистский манер в отношении различных объектов. Гитлер действовал в отношении людей в первую очередь как садист, но выступал в роли мазохиста в отношении судьбы, истории, «высшей мощи» природы. Его конец – самоубийство посреди всеобщего разрушения – столь же характерно, как и его мечта о мировом господстве¹.

...зрелая любовь – это союз, при котором сохраняется целостность личности индивидуумов. Это активная сила, действующая в человеке.

В отличие от симбиотического союза *зрелая любовь – это союз, при котором сохраняется целостности личности индивидуумов. Это активная сила, действующая в человеке.* Любовь разрушает стену, отделяющую человека от других людей, и объединяет его с ними; любовь заставляет человека преодолеть чувство обособленности и отчуждения, позволяя ему оставаться самим собой, сохранять свою целостность. Парадокс любви заключается в том, что двое становятся одним, оставаясь двумя.

Парадокс любви заключается в том, что двое становятся одним, оставаясь двумя.

Если мы скажем теперь, что любовь – это все же деятельность, то столкнемся с трудностью, которая заключается в двойственности значения слова «деятельность». Под деятельностью в современном употреблении обычно понимается действие, которое приводит к изменению существующей ситуации благодаря затрате энергии. Таким образом, человек считается активным, если он занимается бизнесом, изучает медицину, работает на конвейере, составляет таблицы или занимается спортом. Общим у всех этих видов деятельности является то, что они направлены на достижение внешней цели. Что не учитывается, так *это мотивация* деятельности. Возьмем, например, человека, побуждаемого к непрерывной работе чувством глубокой неуверенности и одиночества; или другого – побуждаемого амбициями или алчностью. В обоих случаях человек оказывается рабом страсти, и его деятельность на самом деле есть

¹ Более детальное исследование садизма и мазохизма см. в книге Э. Фромма «Бегство от свободы».

«пассивность», потому что такой человек не свободен: он страдалец, а не «деятель». С другой стороны, человек, сидящий и размышляющий без иной цели, кроме самоощущения и ощущения своего единства с миром, считается «пассивным», потому что он «ничего не делает». На самом деле такая сосредоточенная медитация представляет собой высочайшую деятельность, деятельность души, которая возможна только в условиях внутренней свободы и независимости. Современная концепция деятельности указывает на затрату энергии для достижения внешних целей; другая концепция касается использования человеком внутренних сил независимо от того, производится ли какое-то внешнее изменение. Последняя концепция деятельности яснее всего была сформулирована Спинозой. Он делит аффекты на активные и пассивные, «действия» и «страсти». При осуществлении активного аффекта человек свободен, он хозяин своего аффекта; при пассивном аффекте человек зависим, им движут побуждения и мотивы, которых он сам не осознает. Таким образом, Спиноза приходит к выводу, что добродетель и действенная сила – одно и то же². Зависть, ревность, амбиции, любой вид алчности – все это страсти; любовь может проявляться только в условиях свободы и никогда – в результате принуждения.

...любовь может проявляться только в условиях свободы и никогда – в результате принуждения.

Любовь – это всегда деятельность, а не пассивный аффект. Это состояние постоянного «пребывания», а не «впадения». В самом общем смысле активный характер любви может быть описан утверждением, что любить – значит в первую очередь *давать*, а не брать.

... активный характер любви может быть описан утверждением, что любить – значит в первую очередь давать, а не брать.

Что значит давать? Каким бы простым ни казался ответ на этот вопрос, на самом деле он полон двусмысленности и сложностей. Наиболее часто встречающееся неправильное понимание заключается в том, что «давать» – значит «отказываться» от чего-то, лишаться этого, приносить в жертву. Человек, не поднявшийся в своем развитии выше потребительской или эксплуататорской психологии и ориентированный на накопление, воспринимает акт отдачи именно так. Обладающий рыночной психологией готов отдавать, но только при получении чего-то взамен; отдать, ничего за это не получив, для него значит быть обманутым³. Люди с подобными установками воспринимают отдачу как понесенный ущерб. Поэтому они не согласны ничего отдавать. Другие, отдавая, возводят это в добродетель – в том смысле, что они чем-то жертвуют. Они считают, что именно из-за болезненности этого действия и *нужно* отдавать; добродетельность для них как раз и заключается в том, что, отдавая, они приносят жертву. Норма, согласно которой лучше давать, чем получать, по их мнению, означает, что лучше страдать от лишения, чем испытывать радость от приобретения. Совершенно иное зна-

² Спиноза Б. Этика. Ч. IV. Пол. 8.

³ Подробное описание такого типа характера можно найти в книге Э. Фромма «Человек для себя».

чение акт отдачи имеет для созидательного характера. Отдавать – значит в высшей степени проявлять свою состоятельность. В самом этом акте я проявляю свою силу, свое богатство, свою власть. Испытывая яркое ощущение жизни и жизненных сил, я наполняюсь радостью. Я чувствую себя переполненным через край, расходующим, живым – и следовательно, радостным⁴. «Давать» приносит больше радости, чем «получать», не потому, что это – лишение, а потому, что этим актом я подтверждаю тот факт, что я жив.

Отдавать – значит в высшей степени проявлять свою состоятельность. В самом этом акте я проявляю свою силу, свое богатство, свою власть.

Нетрудно убедиться в справедливости этого принципа, приложив его к различным специфическим феноменам. Самый элементарный пример можно обнаружить в сфере секса. Кульминация мужской сексуальной функции – акт отдачи; мужчина отдает себя, свой половой орган, женщине. В момент оргазма он отдает ей свое семя. Он не может этого избежать, если обладает соответствующей потенцией. Если он не может отдавать, он импотент. Для женщины этот акт означает ровно то же, хотя является чуть более сложным. Она тоже отдает себя: она открывает доступ к своему женскому лону и, получая, также отдает. Если она не способна отдавать, если она только получает, то она фригидна. Женщина акт отдачи совершает не только в качестве любовницы, но и в качестве матери. Она отдает себя растущему в ней младенцу, отдает свое молоко и тепло своего тела. Не отдавать было бы для нее страданием.

Скупец, обеспокоенный тем, как бы чего не потерять, в психологическом смысле является бедняком...

В сфере материальной отдавать – значит быть богатым. И богат не тот, кто много имеет, а тот, кто много *отдает*. Скупец, обеспокоенный тем, как бы чего не потерять, в психологическом смысле является бедняком, обнищавшим человеком независимо от того, многим ли он владеет. Каждый, кто способен давать, богат. Он чувствует себя тем, кто может дарить себя другим. Только лишенный всего, что выходит за пределы совершенно необходимого для поддержания жизни, не способен наслаждаться, отдавая материальные ценности. Однако повседневный опыт показывает, что оценка объема минимально необходимого зависит от характера человека не меньше, чем от того, чем он действительно обладает. Хорошо известно, что бедняки с большей готовностью делятся чем-то, чем богатые. Тем не менее бедность, переходящая определенную границу, лишает возможности отдавать; нищета мучительна не только из-за страданий, которые она причиняет напрямую, но еще и потому, что лишает бедняка радости отдавать.

⁴ Сравните с описанием радости Спинозой.

...нищета мучительна не только из-за страданий, которые она принимает напрямую, но еще и потому, что лишает бедняка радости отдавать.

Однако самая важная область, где происходит отдача, – это не мир материальных ценностей, а сфера человеческих отношений. Что один человек отдает другому? Он отдает себя, самое драгоценное, чем владеет, – саму свою жизнь. Это не обязательно означает, что он жертвует жизнью ради другого, – он отдает то, что есть в нем живого; он делится своей радостью, своими интересами, своим пониманием, своими знаниями, своим весельем, своей печалью – всеми проявлениями своей жизни. Таким образом, делясь своей жизнью, он обогащает другого человека, увеличивает его жизненную силу и усиливает собственное ощущение того, что он жив. Он отдает не для того, чтобы получить; возможность отдавать приносит ему радость. Также, отдавая, человек вызывает отклик в другом человеке, и то, что он пробудил, отражается на нем. Подобная самоотдача всегда пробуждает ответный отклик и желание разделить друг с другом вызванную этим радость. В акте самоотдачи возникает особое чувство, и оба участника испытывают благодарность за то, что им открылось. В отношении любви это значит, что любовь есть сила, порождающая любовь; импотенция – это неспособность породить любовь. Эта мысль прекрасно выражена Марксом: «Возьмите, – говорит он, – человека как человека, а его отношение к миру как человеческое отношение; вы сможете обменять любовь только на любовь, доверие только на доверие. Если вы хотите наслаждаться искусством, вы должны быть образованны в этой области; если вы хотите влиять на других людей, вы должны быть личностью, действительно стимулирующей других людей,двигающей их вперед. Ваши отношения с людьми и природой должны быть определенным выражением вашей реальной индивидуальной жизни, соответствующим объекту вашей воли. Если вы любите, не вызывая любви, т. е. ваша любовь как таковая любви не порождает, если, проявляя себя как любящий человек, вы не сумели вызвать ответной любви, значит, ваша любовь бессильна, и это – несчастье»⁵. Но принцип «отдавать – значит получать» проявляет себя и в других сферах человеческих отношений. Учитель и сам учится у своих учеников, артиста вдохновляют зрители, психоаналитик сохраняет психическое здоровье благодаря пациентам, – при условии, что все они не обращаются друг с другом как с объектами и общаются искренне и плодотворно.

Едва ли необходимо подчеркивать тот факт, что способность любить как акт самоотдачи зависит от уровня развития и характера личности. Эта способность требует созидательной ориентации; при такой ориентации человек преодолевает зависимость от нарциссического самолюбования, желания эксплуатировать других и стремления к накопительству и обретает веру в собственные человеческие силы, мужество полагаться на них для достижения своей цели. При отсутствии этих качеств человек боится отдавать себя – следовательно, боится любить.

...способность любить как акт самоотдачи зависит от уровня развития и характера личности.

⁵ «Nationalökonomie und Philosophie», 1844. Опубликовано в «Die Frühschriften», Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 1953- (Перевод на англ. язык Э. Фромма).

Помимо элемента самоотдачи, активный характер любви становится очевидным из того, что всегда предполагает присутствие определенных базовых элементов, общих для всех форм любви. *Забота, ответственность, уважение и понимание – базовые элементы, общие для всех форм любви.*

Забота, ответственность, уважение и понимание – базовые элементы, общие для всех форм любви.

То, что любви сопутствует забота, наиболее очевидно в любви матери к ребенку. Никакие заверения в любви не покажутся нам искренними, если мы заметим недостаток заботы, если мать пренебрегает кормлением, купанием ребенка, его самочувствием; напротив, ее любовь произведет на нас впечатление, если мы увидим, как мать заботится о малыше. Точно так же даже с любовью к животным или растениям. Если женщина говорит, что любит цветы, но мы видим, что она забывает их поливать, мы не поверим в ее «любовь» к цветам. *Любовь есть активная озабоченность жизнью и благополучием того, кого мы любим.* Где такая активная озабоченность отсутствует, там нет любви. Данный элемент любви прекрасно описан в «Книге Ионы». Бог велел Ионе идти в Ниневию, чтобы предостеречь ее жителей: они будут наказаны, если не откажутся от своих греховных привычек. Иона уклоняется от выполнения своей миссии, поскольку опасается, что жители Ниневии исправятся и Бог простит их. Он человек с развитым чувством уважения к порядку и закону, но лишенный любви. Однако его попытка сбежать кончается тем, что он оказывается во чреве кита, что символизирует состояние изоляции и заключения. Затем Бог спасает его, и Иона отправляется в Ниневию. Он проповедует жителям, как велел ему Бог, и случается именно то, чего Иона так опасался. Жители Ниневии раскаиваются в своих грехах, становятся добродетельны, и Бог прощает их и решает не разрушать города. Иона очень сердит и разочарован; ему хотелось, чтобы свершилось «правосудие», а не помилование. Он находит себе укрытие в тени дерева, которое Бог вырастил, чтобы защитить его от палящего зноя. Однако когда Бог велит этому дереву засохнуть, Иона впадает в уныние и принимается роптать. Бог отвечает ему: «Ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало. Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?» Ответ Бога Ионе следует понимать символически. Бог объясняет Ионе, что суть любви – «трудиться» ради чего-то, «вырастить» что-то, что любовь и труд неразделимы. Человек любит то, ради чего трудится, и трудится для того, кого любит.

Человек любит то, ради чего трудится, и трудится для того, кого любит.

Уход и забота предполагают еще один аспект любви – *ответственность*. Сегодня ответственность часто понимается как выполнение долга, нечто, налагаемое на человека извне. Однако ответственность в истинном смысле слова – чисто добровольный акт; это мой отклик на потребности, высказанные или невысказанные, другого человеческого существа. Быть ответ-

ственным – значит быть способным и готовым «откликнуться». Иона не чувствовал ответственности за жителей Ниневии. Он, как и Каин, мог бы сказать: «Разве я сторож брату моему?» Любящий человек откликается. Жизнь его брата – дело не только самого брата, но и его собственное. Человек чувствует такую же ответственность за своих братьев, что и за себя. В случае матери и младенца ответственность касается прежде всего заботы о его физических потребностях. В случае любви между взрослыми это касается прежде всего душевных потребностей близкого человека.

Ответственность с легкостью может выродиться в доминирование и собственничество, если отсутствует третий компонент любви – уважение. Уважение – это не опасение и не благоговение; оно предполагает (в соответствии с происхождением слова: *respect* – от лат. *respicere*, «смотреть на») способность видеть человека таким, каков он есть, осознавать уникальность его личности. Уважение означает озабоченность тем, чтобы другой человек мог развиваться, сохраняя верность себе. Уважение исключает использование одного человека в целях другого. Я хочу, чтобы тот, кого я люблю, имел возможность развиваться по-своему, а не ради того, чтобы служить мне. Если я люблю другого человека, я чувствую свое единение с ним как с таковым, каков он есть, а не с тем, кто нужен мне как объект, которым я пользуюсь. Ясно, что уважение возможно только в том случае, если я сам достиг независимости; если я могу стоять и идти без костылей, без необходимости использовать или эксплуатировать кого-то еще. Уважение существует только на основе свободы, а не подчинения или господства; как поется в старой французской песне – «*Ramour est Penfant de la liberte*» («любовь – дитя свободы»).

Уважение исключает использование одного человека в целях другого.

Уважать человека невозможно, не понимая его; забота и ответственность слепы, когда нет понимания, а понимание невозможно, когда нет искренней заботы. Существует много уровней понимания; понимание, которого требует любовь, не бывает поверхностным, оно проникает в самую суть. Такое возможно, когда я выхожу за пределы озабоченности собой и ясно вижу другого человека во всех его проявлениях. Я могу знать, например, что человек сердится, даже если он этого не показывает; однако я могу понимать его и глубже – увидеть, что он чем-то взволнован и обеспокоен, что он чувствует себя одиноким и испытывает чувство вины. Тогда мне становится понятно, что его раздражение – проявление чего-то более глубокого и скрытого, что он не столько сердится, сколько страдает.

Понимание обладает еще одной, более фундаментальной связью с проблемой любви. Основополагающая потребность в слиянии с другим человеком, чтобы вырваться из тюрьмы собственной обособленности, тесно связана с другим специфически человеческим желанием – желанием узнать «секрет человека». Если жизнь даже в своих чисто биологических аспектах – чудо и тайна, то человек в его человеческом аспекте – тем более представляет собой неразгаданный секрет для себя и других людей. Мы знаем себя и все же, несмотря на все усилия, себя не знаем. Мы знаем также других людей, и их тоже не знаем, потому что я – не вещь, и другой человек тоже не вещь. Чем глубже мы заглядываем в себя или в кого-то другого, тем больше от нас ускользает задача познания. Однако мы не можем удержаться от желания проникнуть в загадку души человека, в самое сокровенное ядро, которое и есть личность.

Чем глубже мы заглядываем в себя или в кого-то другого, тем больше от нас ускользает задача познания.

Существует один отчаянный способ вывести ее секрет: обрести полную власть над другим человеком; власть, которая заставит его делать то, чего мы хотим, чувствовать то, чего мы хотим, думать так, как мы хотим, по сути – превратить его в вещь, в нашу собственность. Крайняя степень такого «способа познания» заключается в экстремальном садизме, желании и способности заставить человеческое существо страдать, пытками и мучениями вынудить его выдать нам свой секрет. В этой жажде проникновения в тайну человека – тем самым и в нашу собственную – кроется основополагающая мотивация крайней жестокости и страсти разрушения. В самом лаконичном виде эта идея была выражена Исааком Бабелем. Он приводит высказывание бойца времен Гражданской войны в Советской России, который перед тем до смерти замучил своего прежнего барина: «Стрельбой, – я так выскажу, – от человека только отделаться можно: стрельба – это ему помилование, а себе гнусная легкость, стрельбой до души не дойдешь, где она у человека есть и как она показывается. Но я, бывает, себя не жалею, я, бывает, врага час топчу или более часу, мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть»⁶.

Аналогичный способ получения знаний часто и совершенно откровенно используют дети. Ребенок что-нибудь разбирает или ломает, чтобы узнать, что внутри; также он может поступить и с живым существом, например, жестоко оторвать крылья у бабочки, чтобы постичь, что это и зачем. Подобная жестокость мотивирована чем-то более глубоким: желанием узнать секрет устройства вещей и тайну жизни.

Мне известен лишь один способ познания тайны жизни, доступный человеку, и он состоит в переживании единства; это не то знание, которое может дать мысль.

Совершенно другой способ познать тайну – это любовь. Любовь – деятельное проникновение в сущность другого человека, в котором жажда познания утоляется в акте слияния. В слиянии я познаю тебя, познаю себя и познаю всех, но это не есть знание в привычном смысле. Мне известен лишь один способ познания тайны жизни, доступный человеку, и он состоит в переживании единства; это не то знание, которое может дать мысль. Садизм мотивируется желанием узнать секрет, но садист остается столь же невежественным, как и раньше. Он разорвал другое существо на части, но все, что ему удалось, это уничтожить его. Любовь – единственный способ познания, который в процессе соединения дает ответ на поставленный вопрос. Только любя, отдавая себя, проникая в другого человека, я нахожу себя, открываю себя и нас обоих, открываю человека.

Только зная человека достаточно объективно, я способен в акте любви познать его истинную сущность.

⁶ Бабель И. Конармия.

Жажда познания себя и познания другого человека выражена в словах Дельфийского оракула: «Познай самого себя». Это главная движущая сила всей психологии. Однако наше желание узнать все о человеке, раскрыть его сокровенный секрет никогда не может быть удовлетворено обычным способом – путем размышлений. Даже если бы мы знали о себе в тысячу раз больше, мы все равно не исчерпали бы всего. Мы сами, как и другие люди, все равно оставались бы загадкой. Единственный путь к полному знанию заключается в акте любви, выходящем за пределы мысли и пределы слова. Это – смелый прыжок в переживание единения. Однако интеллектуальные усилия и психологические знания – одно из условий полноты познания опыта любви. Я должен смотреть на себя и другого человека объективно, чтобы понять, каковы мы на самом деле, или хотя бы избавиться от иллюзий, искаженных представлений, имеющихся у меня. Только зная человека достаточно объективно, я способен в акте любви познать его истинную сущность⁷.

Проблема познания человека соотносится с проблемой познания Бога. В традиционной западной теологии делается попытка познания Бога с помощью мысли, чтобы вывести умозаключение о нем. Предполагается, что мы можем познать Бога путем размышления. В мистицизме, который порожден монотеизмом (на чем я остановлюсь позднее), от такой попытки отказываются, а вместо нее используется опыт слияния с Богом, в котором нет места – и нет надобности – в знании о Боге.

Опыт слияния с человеком или же, в религиозном смысле, с Богом ни в коей мере не является иррациональным. Напротив, как показал Альберт Швейцер, это наиболее смелое и радикальное следствие рационализма. Оно основывается на нашем знании фундаментальных, а не случайных ограничений нашего знания. Это знание того, что нам никогда не постичь тайны человека и вселенной, которую тем не менее мы можем познать в акте любви. Психология как наука имеет собственные ограничения; как логическим выводом и следствием теологии является мистицизм, так окончательным выводом из психологии является любовь.

*... как логическим выводом и следствием теологии является мистицизм,
так окончательным выводом из психологии является любовь.*

Забота, ответственность, уважение и знание взаимно независимы. Они представляют собой комплекс установок, которые обнаруживаются у зрелой личности – личности, плодотворно развивающей свои способности, желающей иметь то, ради чего она трудится, отказавшейся от нарциссических мечтаний о всеведении и всемогуществе, обретшей смирение, основанное на внутренней силе, которую может даровать только истинно созидательная активность.

⁷ Это утверждение имеет непосредственное отношение к роли психологии в современной западной культуре. Хотя интерес к психологии в большинстве случаев действительно продиктован стремлением к познанию человека, он также является сокровищем симптомом дефицита любви в современных человеческих взаимоотношениях. Психологическое знание, таким образом, подменяет реальное знание об опыте соединения в любви, вместо того чтобы быть шагом к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.